

УДК 81:398

DOI: 10.30624/2220-4156-2024-14-3-455-466

**Локальное своеобразие уличных фамилий мордвы-шокши:
лингвистический и фольклористический аспекты**

Н. В. Казаева

*Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
nikazaeva@yandex.ru*

М. А. Тростина

*Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
trostina@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье в лингвистическом и фольклористическом аспектах анализируются уличные фамилии жителей с. Шокша Теньгушевского района Республики Мордовия, являющихся носителями уникального шокшанского диалекта эрзянского языка.

Цель: установить факты народного антропонимикона и фольклорного явления в контексте локальной антропонимической традиции.

Материалы исследования: уличные фамилии жителей с. Шокша Теньгушевского района РМ, зафиксированные в ходе полевых экспедиций студентами филологического факультета Мордовского государственного университета в 2021–2022 гг.

Результаты и научная новизна. В работе сделан обзор лингвистических и фольклористических исследований, посвящённых изучению прозвищ как вида антропонимов и фольклорного явления. Рассмотрены модели и расшифрованы основы семейно-родовых прозвищ, бытующих в устном репертуаре жителей с. Шокша, представлена специфика их образования и функционирования. В результате проведённого анализа выявлено семь структурно-семантических моделей, среди которых доминирующими являются семейно-родовые прозвища, образованные от имён и фамилий, и уличные фамилии, отражающие внешнюю или внутреннюю характеристику человека, его поведение, черты характера. Установлено, что в структурно-словообразовательном плане уличные фамилии жителей с. Шокша представлены простыми однокомпонентными названиями, основой образования которых служат личные имена (они́мы), а также апеллятивы мордовского и русского происхождения с прозрачной семантикой, отражающие диалектные особенности говора мордвы-шокши. Проанализированы фольклорные тексты различных жанров, включающие прозвищные мотивы. Показана языковая и социальная сущность прозвищ-антропонимов, их связь с историческими и культурологическими традициями в номинации объекта называния, существующими в ментальности мордвы-шокши.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в лингвистическом и фольклористическом аспектах представляется локальное своеобразие уличных фамилий жителей с. Шокша Теньгушевского района Республики Мордовия. В научный оборот вводятся ранее неопубликованные полевые материалы.

Ключевые слова: антропоним, уличная фамилия, тип номинации, структура, прозвищный фольклор, устная народная проза, мордва-шокша

Для цитирования: Казаева Н. В., Тростина М. А. Локальное своеобразие уличных фамилий мордвы-шокши: лингвистический и фольклористический аспекты // Вестник угроведения. 2024. Т. 14. № 3 (58). С. 455–466.

**The local originality of the street surnames of the Shoksha Mordovian people:
linguistic and folkloristic aspects**

N. V. Kazaeva

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
nikazaeva@yandex.ru*

M. A. Trostina

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
trostina@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article analyzes the street surnames of residents of Shoksha village of Tengushevsky district of the Republic of Mordovia in linguistic and folkloristic aspects, who are native speakers of the unique Shoksha dialect of the Erzya language.

Objective: to establish the facts of the national anthroponymicon and folklore phenomenon in the context of the local anthroponymic tradition.

Research materials: street names of residents of Shoksha village of Tengushevsky District of the Republic of Mordovia, recorded during field expeditions by students of the Philological Faculty of Mordovian State University in 2021–2022.

Results and novelty of the research: the article provides an overview of linguistic and folkloristic studies devoted to the study of nicknames as a type of anthroponyms and folklore phenomenon. The article concerns models and decrypts the basics of family and generic nicknames that exist in the oral repertoire of residents of the village of Shoksha, the specifics of their formation and functioning are presented.

As a result of the analysis, seven structural and semantic models have been identified, among which family and generic nicknames formed from first and last names and street surnames reflecting the external or internal characteristics of a person, his behavior, and character traits are dominant. It is established that in the structural and word-formation plan, the street surnames of the inhabitants of the village of Shoksha are represented by simple one-component names, the basis of which are personal names (onyms), as well as appellatives of Mordovian and Russian origin with transparent semantics, reflecting the dialect features of the Mordovian-Shoksha dialect. Folklore texts of various genres, that include nickname motifs, are analyzed.

The linguistic and social essence of anthroponymic nicknames, their connection with historical and cultural traditions in the nomination of the object of naming, existing in the mentality of the Shoksha Mordovian peoples, are shown.

The scientific novelty of the study lies in the fact that for the first time in linguistic and folkloristic aspects, the local originality of street surnames of residents of Shoksha village of Tengushevsky District of the Republic of Mordovia is presented. Previously unpublished field materials are being introduced into scientific circulation.

Key words: anthroponym, street surname, type of nomination, structure, nickname folklore, oral folk prose, Shoksha Mordovian people

For citation: Kazaeva N. V., Trostina M. A. The local originality of the street surnames of the Shoksha Mordovian people: linguistic and folkloristic aspects // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2024; 14 (3/58): 455–466.

Введение

В начале нового тысячелетия особенно актуальной выступает проблема поиска путей духовного возрождения и культурного развития общества. Интерес к духовной культуре народа, его истории и традициям – характерная черта времени: обращение к истокам способствует формированию национального менталитета, сохранению и приумножению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Роль традиций в современном социуме трудно переоценить. Являясь «механизмом воспроизводства культуры и в определённой мере необходимым условием её существования», традиции имеют непреходящее значение: интегрируя прошлый опыт с настоящим, они становятся фундаментом для дальнейшего общественного развития, поэтому «утрата традиции (как весьма значимой части культуры) может привести к деградации культуры» [11, 6].

Ценным источником сведений о прошлом выступают народные прозвища, понимаемые как «вид антропонимов» (Т. Т. Денисова), «вид народного красноречия» (И. Ю. Карташева), «подтипы многих жанров фольклора:

от песен и частушек до преданий и анекдотов» (Н. В. Дранникова), «микроантропонимы» (А. В. Гузнова) и т. д.

В отечественной науке прозвища как классонимов долгое время интересовали преимущественно лингвистов. Принимая во внимание основы теоретического наследия классиков русской ономастики (В. А. Никонова, А. М. Селицева, А. В. Суперанской, Ю. И. Чайкиной, В. Н. Чичагова, Л. М. Щетинина и др.), изыскания в области антропонимов (в том числе прозвищ) велись с учётом лексико-семантического, структурного, словообразовательного, этимологического, функционально-динамического и хронологического анализа. В настоящее время наряду с комплексным изучением прозвищ, бытующих в небольших локальных группах и отдельных регионах, они выступают предметом лексикографии, диалектологии, лингводидактики, а также рассматриваются с точки зрения их функционирования в речевой коммуникации и роли образно-оценочных коннотаций в имени [3; 4; 5; 6; 9; 17; 20; 22], в том числе и в работах зарубежных учёных [1; 33; 34; 35; 36; 37].

Прозвищный фольклор как целостное явление оставался на периферии научных интересов практически до конца прошлого столетия. Несмотря на то, что уже в 50–60-е гг. XX в. литературная ономастика, изучающая функционирование онимов в текстах художественной литературы, выделилась в самостоятельную отрасль научного знания, в фольклористике первым комплексным исследованием, посвящённым анализу жанровой природы прозвищ, стала диссертационная работа И. Ю. Карташевой [14], в которой рассмотрен генезис прозвищ, уточнён объём термина «прозвище» применительно к фольклористике и показаны способы функционирования прозвищ в жанрах фольклора.

Началом нового этапа на пути к изучению жанровой и поэтической природы прозвищ выступила докторская диссертация Н. В. Дранниковой [10]. Используя междисциплинарный подход, автор определяет прозвища как «краткие стереотипные формулы, которые занимают промежуточное положение, перебрасывая своеобразный “мостик” от языка к фольклору», и предлагает рассматривать каждое отдельное слово, «имеющее привычную для конкретной группы людей семантику» как единицу фольклора, в том числе прозвище – как «минитекст, который может быть объектом фольклористического исследования» [10, 8].

В первые десятилетия XXI в. в центре внимания филологической науки оказались локальные прозвища и история их возникновения [2], связь прозвищных текстов с ритуальными ситуациями [16], специфика функционирования антропонимов в фольклорных произведениях [8; 26] и др.

Предметом научного исследования выступали неоднократно и прозвища, до сего дня активно бытующие практически во всех сферах неформального общения сельских жителей Республики Мордовия (РМ) [18; 19; 23; 27; 31].

Между тем, несмотря на расширение границ изучения данной темы, имеются перспективы и для её дальнейшего рассмотрения, которые видятся нам в организации систематического сбора антропонимических единиц на всей территории РМ и их многоаспектного анализа, что позволит в последующем решить вопрос подготовки и издания регионального словаря антропонимов, необходимость в котором давно назрела в связи с непрекращающимися процессами, происходящими в языковой системе (отмирание не востребуемых номинаций, появление

новых лексем, семантическая неологизация устаревших слов и т. д.). Изучение регионального прозвищного фольклора станет важным этапом в изучении современной фольклорной прозы и дополнит научное представление о взаимодействии локальных фольклорных традиций на территории республики.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили уличные фамилии жителей с. Шокша Теньгушевского района РМ, зафиксированные в ходе полевых экспедиций студентами филологического факультета Мордовского государственного университета в 2021–2022 гг. Перевод фольклорных текстов на русский язык производился авторами статьи. Всего в результате исследования выявлено и проанализировано 58 семейно-родовых прозвищ.

В ходе сбора полевого материала были применены методы опроса, наблюдения и интервью. В работе мы опирались на междисциплинарный подход с использованием описательно-аналитического и системного методов.

Результаты

Шокша (эрз. Шокш) – старинное эрзянское село в Теньгушевском районе РМ, основанное в XVI в. Первая запись о Шокше встречается в государственном акте 1571 г., где село указывается как населённый пункт на Первой засечной черте. В «Списке населённых мест Тамбовской губернии» (1866) Шокша отмечено как село казённое из 265 дворов Темниковского уезда [12, 248; 30, 409].

Официальное название населённый пункт получил по одноимённой речке (Шокша – приток р. Мокши), на которой он расположен. Существует несколько точек зрения по поводу происхождения данного топонима [7, 374–375; 12, 248; 25, 115], которые предполагают наличие финно-угорских элементов в составе названия. Мы считаем, что топонимы на -ша (-га, -ма), зафиксированные на территории РМ, являются субстратными, образованными на основе лексических напластований языков разных систем [13]. В ойкониме и гидрониме Шокша можно усмотреть корень шок- неясной этимологии и гидроформант -ша финно-угорского происхождения со значением ‘вода, река’.

Отметим, что в начале XXI в. появились новые попытки этимологизации устоявшихся в топонимии названий на -ша / -кша, в которых

данный формант традиционно рассматривался как типичный гидронимический суффикс со значением «река» [24, 27–28]. Так, Ю. В. Откупщиков [21, 94–95], исследуя древнюю гидронимию в бассейне Оки, высказывает предположение о балтийском происхождении гидронимов Мокша, Шокша и топонима Лакша, выделяя в их основе апеллятивы литовского языка и тем самым опровергая мнение о финно-угорском происхождении топонимии / гидронимии на -ша (-кша).

Таким образом, с учётом выдвижения в последнее время новых гипотез о происхождении топонимов на -ша / -кша и др., нельзя говорить об окончательной расшифровке топонима Шокша. Названия данного типа требуют дальнейших этимологических изысканий.

Жители с. Шокша являются носителями уникального шокшанского диалекта эрзянского языка, относящегося к пятому типу эрзянских диалектов и представляющего собой особый интерес для исследователей [15; 18; 29]. Данный диалект, находящийся в окружении русских и мокшанских говоров, является специфическим, имеющим ряд отличительных особенностей, ярко проявляющихся в области лексики, фонетики и морфологии.

Несмотря на то, что к настоящему времени накоплен довольно обширный фактологический материал, есть необходимость продолжить работу по изучению мордвы-шокши как носителей особого эрзянского диалекта с точки зрения языка, истории и культурных традиций.

Наше внимание привлекли семейно-родовые прозвища жителей с. Шокша как особый слой антропонимического домена, выступающий на стыке лингвистики и фольклора.

Прозвища как наименования человека, содержащие в себе «указание на какую-нибудь черту характера, наружности, деятельности данного лица» [28, 807], получили в селе Шокша повсеместное распространение. В ёмких образных антропонимах соединились одновременно коллективная оценка достоинств и недостатков конкретной личности, характеристика её особенностей, а также социальная роль. Примечательно то, что до настоящего времени в русских и мордовских селениях каждый житель кроме индивидуального прозвища имеет уличное название своего дома или семьи, используемое в быту.

В ономастической литературе данный вид антропонимов обозначается по-разному: «уличные фамилии» (В. К. Чичагов), «домашнее наименование», «родовое имя / прозвище»,

«уличное наименование дома» (В. Н. Куклин), «семейно-родовые дворовые имена» (Л. В. Недоступова), «подворные прозвища» (С. А. Домусчи) и др. В эрзянском литературном языке уличное наименование дома звучит как «кудо-лем» (букв.: *кудо* 'дом' + *лем* 'имя'), что переводится как «имя дома». Данный вид прозвищ, бытующий в устной речи, на наш взгляд, занимает весьма значимое место в антропонимической макросистеме и в языковой картине мира сельских жителей. В рамках данной статьи мы будем использовать представленные именованья как синонимические.

В ходе проведённого анализа было установлено, что прозвищная традиция в данном населённом пункте имеет давнюю историю, о чём свидетельствует наличие прозваний, полученных семьями и родами («в наследство»). Подчёркивая особую роль антропонимов в описании этнографического портрета села, С. М. Шаронов указывает на происхождение семейных прозвищ шокшанцев от фамилий (*Батаинь* – Батаев, *Ершкоунь* – Ершков и т. д.), имён (*Протасунь* – Протас, *Гордиень* – Гордей, *Эрьмаразинь* – Ермолай), этнических корней (*Татарунь* – от татар), на их связь с бытовой или психологической особенностями человека (*Лисань* – лисы, хитрые; *Бурмиз* – богатый, властный; *Душман* – солдат, афганец), с определённым в прошлом социальным положением (*Попунь* – поповский, родственник попа) [32, 88].

Лингвистический анализ рассматриваемого материала позволяет сделать вывод, что большинство семейных прозвищ, бытующих в с. Шокша, представлено моделью «личное имя в родительном падеже с суффиксом посессивности -нь»: *Казакунь* < Казак + -(у)нь, *Боярунь* < Бояр + -(у)нь, *Гаврилань* < Гаврила+ -нь и др.

Основа неофициальных уличных фамилий жителей с. Шокши достаточно разнообразна.

Прозвища, образованные от имён, составляют большую часть названий. В основе уличных фамилий прежде всего представлены мужские христианские имена в неизменной или разговорно-просторечной форме, подвергшиеся разнообразным фонетическим изменениям с учётом особенностей данного говора: *Матхеинь* < Матхей (произв. от Матвей) + -(и)нь, *Корьмань* < Корьма (произв. от Корней) + -(и)нь, *Гараинь* < Гарай (произв. от Григорий) + -(и)нь, *Иватёкунь* < Иватёк (произв. от Иван) + -(у)нь, *Тимаинь* < Тимай (произв. от Тимофей), *Романунь* < Роман + -(и)нь, *Хидорунь* < Хидор

(произв. от Сидор) + -(у)нь, *Ладёкунь* < Ладёк (произв. от Владимир) + -(у)нь, *Эрьмань* < Эрма < Ерёма (произв. от Еремей) + -нь, *Тишень* < Тиша (произв. от Тимофей) + -(е)нь, *Сёмуинь* < Сёмуй (произв. от Семён) + -(и)нь и др.

Отметим, что женские христианские имена в прозвищах данного населённого пункта отмечены в единичных случаях: *Варань* < Вара (произв. от Варвара) + -нь.

Родовые прозвища, возникшие на основе трансформации фамилий посредством отсечения суффикса, также характерны для прозвищных традиций с. Шокша: *Батаинь* от Батаев, *Шандакунь* от Шиндаков, *Налгань* от Налогин, *Петрохунь* от Петров.

Отдельную группу образуют семейно-родовые прозвища, отражающие внешние, общефизические и психологические данные, черты характера человека. В их структуре лежат как имена, так и глагольные основы мордовского и русского происхождения: *Мальинь* < Мальй (от русск. *малый*) + -(и)нь, *Берань* < Бера- (от шокш. *берань*; ср. – эрз. литер. *берянь* ‘плохой’, ‘худой’, ‘слабый’) + -нь, *Кокликинь* < Коклик (от эрз. *кокномс* ‘заикаться’) + -(и)нь, *Малёкунь* < Малёк (от русск. *малёк*) + -(у)нь, *Рестанунь* < Рестан (от шокш. *рестан* ‘бойкий’) + -(у)нь, *Сядоинь* < *Сядой* (от русск. *седой*) + -(и)нь, *Паравань* < Парава (от шокш. *пара* ‘хороший’ + *ава* ‘женщина’) + -нь.

Анализируемый материал располагает уличными наименованиями домов, в основе которых представлены названия животных, птиц и насекомых. Например: *Бурмизынь* < Бурмиз (от шокш. *бурма* ‘пчела’, ‘шмель’) + -(ы)нь, *Комарунь* < Комар (от русск. *комар*) + -(у)нь, *Каткань* < Катка (от эрз. *катка* ‘кошка’) + -нь, *Чакалунь* < Чакал (от русск. *шакал*) + -(у)нь, *Лисавань* < Лисава (от русск. *лиса* + эрз. *ава* ‘женщина’) + -нь, *Ласкань* < Ласка (от русск. *ласка*) + -нь.

Родовые прозвища, образованные на основе этнонимов, составляют незначительную часть от общего количества названий: *Монголунь* < Монгол (от русск. *монгол*) + -(у)нь, *Казакунь* < Казак (от русск. *казак*) + -(у)нь, *Татарунь* < Татар (от русск. *татар*) + -(у)нь, *Туркань* < Турка (от русск. *турок*) + -нь.

Названия растений в основах подворных прозвищ в собранном материале единичны: *Шужунь* < Шуж (от *шуж* ‘ячмень’) + -нь.

Семейно-родовые прозвища жителей с. Шокша, возникшие на основе лексем по роду профессиональной деятельности, социальных

и родственных отношений, различного рода увлечений и интересов, занимают определённое место в прозвищном антропонимиконе данного населённого пункта. Они объединены нами в одну группу: *Боярунь* < Бояр (от русск. *боярин*) + -(у)нь, *Двойинь* < Двойне (от русск. *двойня*) + -нь, *Каранень* < Карань (от шокш. *каранямс* ‘разваливаться’ (о картошке)) + -(е)нь, *Чаптаинь* < Чаптай (от шокш. *чапамс* ‘заготавливать брёвна (для сруба)’) + -(и)нь, *Чабань* < Чаба- (от шокш. *чабамс* ‘копаться’, ‘ковыряться’) + -нь, *Уружунь* < Уруж (от шокш. *уружиямс*; ср. – эрз. литер. *орожиямс* ‘ворожить’, ‘гадать’) + -(у)нь, *Царёхунь* < Царёх (от русск. *царь* + -ёх) + -(у)нь.

Шокшанские уличные фамилии, в основе которых представлена лексика, обозначающая реалии окружающего мира, предметы быта, еду и др., в исследуемом нами материале немногочисленны: *Капинь* < Капи (от эрз. *капа* ‘стог сена’) + -(и)нь, *Почунь* < Поч (от шокш. *поч* ‘пыль’) + -(у)нь, *Ямунь* < Ям (от шокш. *ям* ‘каша’, ‘суп’, в эрз. литер. – ‘суп’) + -(у)нь.

Как видно из примеров, большинство основ уличных фамилий жителей с. Шокши являются прозрачными, объяснимыми на материале шокшанских диалектных единиц, лексики эрзянского и русского языков.

В структурном плане исследуемый материал представлен преимущественно однокомпонентными – простыми наименованиями, базой образования для которых послужили личные имена (онимы), нарицательные имена (апеллятивы), а также глагольные основы, дополненные суффиксом принадлежности -нь: *Тишень* < Тиша (произв. от Тимофей) + -(е)нь, *Ямунь* < Ям (от шокш. *ям* ‘каша’, ‘суп’), *Уружунь* < Уруж (от шокш. *уружиямс* ‘ворожить’, ‘гадать’) + -(у)нь и др. Некоторые имена содержат суффиксы русского происхождения -ка, -ёк, -ёх, -юшк и эрзянский -з: *Бушкань*, *Писанюшкань*, *Царёхунь*, *Иватёкунь*, *Ладёкунь*, *Бурмизынь*.

Сложные наименования нашли выражение в единичных прозвищах, образованных путём перехода сложного слова в имя собственное: *Паравань* < Парава (от шокш. *пара* ‘хороший’ + *ава* ‘женщина’) + -нь, *Лисавань* < Лисава (от русск. *лиса* + эрз. *ава* ‘женщина’) + -нь. К сложным отнесём родовые прозвища, образованные путём рифмовки двух слов, где одна или обе лексемы не имеют логического семантического смысла: *Тоты-Ботынь*, *Цыба-Рыбань*. Такие названия принимают шуточный оттенок и вызывают смех.

Составных прозвищ – уличных фамилий – в исследуемом материале не выявлено. Они характерны для обозначения конкретного человека, относящегося к какому-либо роду, где первое имя – семейно-родовое прозвище, а второе – личное имя члена семьи, например: *Царёхунь Коля* ‘Коля из рода Царёхунь’.

Таким образом, уличные фамилии жителей с. Шокша представляют собой достаточно простую и устойчивую систему с традиционным характером наименования, но вместе с тем своеобразную и колоритную, содержащую в себе объёмную лингвистическую, историко-этнографическую и культурологическую информацию.

Информация о происхождении семейных прозвищ с. Шокши в основной массе сохранилась в устных народных рассказах, среди которых можно выделить антропонимические предания, легенды и анекдотические истории.

Антропонимические предания шокши отражают традиционные нравственные ценности, практический взгляд коллектива на человека и его статус в обществе, содержат оценку социального и культурного поведения отдельных представителей рода или целой семьи. Так, информант, пожелавший остаться неназванным, мотивирует появление прозвища *Лисавань* наличием у представителей этого семейного клана наследственных негативных черт, не соответствующих общепринятым нормам морали и этики: хитрость, изворотливость, эгоизм: «*Лисавань – пек хитрань нене ломатне, кода лисат. Сембинь эстенст кочкасызь, сехте превихть арсить эрть сынь*» [ПМА 2: Натуральнова] ‘Лисавань – это очень хитрые люди, как лисы. Всё себе гребут, думают, самые умные’.

На социальный статус предков указывает прозвище *Царёхунь*. Устный рассказ акцентирует внимание на подробностях быта местных богачей и сообщает об отношении к представителям этого рода других жителей села: «*Царёхунь родунь ломатне ильхть пек бахатыйть. Сембе нангзуст ванусть ды сельмитнинь сявацть. Сынст ильхть и оцат, и ядат, и жуватнат. Эрясть сынь кода цархть, стят бахатыхть ильхть. И кармасть сынест Царёхунь мериме*» [ПМА 1: Каторова] ‘В роду Царёхунь были очень богатые люди. Все на них заглядывались и завидовали. У них была и одежда, и еда, и скот. Жили они, словно цари, такими богатыми были. Так и стали их называть Царёхунь’. Информант отмечает преемственность между разными поколениями семьи, их практичный, деловой

подход к ведению хозяйства: «*Вот дед, например, то гусей, то коров разводит, а раньше лошадей много держал. Сейчас, конечно, пенсионер уже, но коровы есть, зажиточные они такие. А их дети в городе живут, вот*» [ПМА 1: Кабаев].

Запечатлена в антропонимических рассказах ремесленная культура шокшанцев. Умение делать дело качественно, споро и добросовестно вызывает особое уважение в народной среде и становится поводом для появления прозвища. Так, в уличных прозвищах запечатлелось умение стоговать сено (*Капинь* – от шокш. *капа* ‘копна’, ‘стог сена’), садоводство и пчеловодство (*Бурмизынь* – от шокш. *бурма* ‘шмель’), мастерство в приготовлении пищи (*Ямунь* – от шокш. *ям* ‘каша’ (иногда ‘суп’)).

В ряде случаев информанты указывают на закономерность выделения мастеровитых людей посредством антропонима, не придавая значения его лексическому значению: «*Бускинь ильхть пек роботящихть. Рязанка ай строесть и кудут, и кардаст. Пек пархт плотникть ильхть. Ломатне скромнат, робота нангс скупойть. Сембийне ай лездасть. Дедась сынст пек пара ломань иль. Бус – те, нать, кодамаяк вал, конань минь тене ат баснятама. Паряк, чуфтаринь лем, паряк, тевинь. Паряк, тирусэ бузина ай кассь, а миникс – ‘бус’*» [ПМА 1: Кабаев] ‘Бускинь были очень работающие. В Рязанке строили они дома и дворы. Были очень хорошими плотниками. Люди были скромные, жадные на работу. Всем помогали. Их дедушка был замечательный человек. Бус – это, наверно, какое-нибудь слово, которое мы теперь не говорим. Может, название дерева, а может, дела. А может, у них в саду росла бузина, а по-нашему – бус’.

Прозвище *Шужунь* (от шокш. *шуж* ‘ячмень’) характеризует не только род занятий отдельной крестьянской семьи, но и её состоятельность, благополучие: «*Шужунь стя мерить, што сынст тёрась ды дедась ай роботасть паксяса шуж мархта. Сынь пек пархт роботникт ильхть. Сынст ойсе кудуса иль шуж, вага и кармасть Шужунь мериме сынест*» [ПМА 1: Кабаев] ‘Шужунь называют так потому, что их сын и дед его работали на ячменном поле. Они были очень хорошими работниками. У них дома всегда был ячмень, вот поэтому их и стали называть Шужунь’.

Предание о происхождении другого уличного прозвища *Казакунь* содержит информацию о выдающихся способностях представителей

данного рода, маркированного в связи с тем, «*што сынст родтэндэ васнята ильхть казакт, кода сэрынзатне ойсе баснесть*» ‘В их роду в давние времена были казаки, как старики сами говорили’. Информант отмечает, что предки Казакунь «*нене тона ремаста пек бойкаста артнисть алашаса, тириф елькска кокстыесть*» [ПМА 1: Черашева] ‘Они в те времена больно бойко на лошадях ездили, перепрыгивая через заборы’.

Уличными фамилиями жители села отметили и односельчан, унаследовавших лучшие качества своих предков, соответствующие народным представлениям о «хороших людях». В рассказе о возникновении прозвища информант указывает на наличие у героини черт, соответствующих национальному архетипу матери: «*Паравань – теть авась ён иль. И урядна, и кудуперьхка сембе парсте тийнилиндэ, и сонсь пара. Пара авань ды пара титень*» [ПМА 1: Каторова] ‘Паравань – это больно хорошая женщина была. И опрятная, и хозяйственная, и сама красивая. Хороших матери и отца дочь’.

Наследственные семейные антропонимы содержат сведения о внешнем облике, выдающихся особенностях телосложения, характерных для представителей отдельных семейных кланов, выступая своеобразным актом признания принадлежности современного жителя Шокши к тому или иному роду: «*Малынь стя кармасть мериме секс, што ламут сынст родунь ломатне ильхть вишиньгить, сэрьхтингить, но пек бойкат. А стякунь корхтыть: «Мал, да удал» <...> Сейчаскак стят сынь*» [ПМА 2: Казабекова] ‘Малынь – стали называть так потому, что в их роду многие люди были небольшого роста, низенькие, но очень бойкие. Недаром говорят: «Мал, да удал» <...> И сейчас они таковы’. В рассказах о прозвищах данного типа информанты закономерно прибегают к сравнению и оценке разных поколений той или иной семьи сообразно ценностной шкале, ведя точку отсчёта от старших к младшим.

Наряду с антропонимическими преданиями, претендующими на достоверность в передаче информации, бытуют в современной Шокше и семейные легенды, отличающиеся поэтическим осмыслением событий отдалённого прошлого. В них историческая реальность обрастает художественным вымыслом, появляются фантастические элементы, уходящие корнями в народную мифологию. «Вещественным» доказательством правдивости истории выступает участие

в ней реального лица – предка, поведавшего о случившемся своим родственникам. Например, в семье Кабаевых происхождение уличного прозвища *Цыбань* связывается с поступком «прапрапрабабушки Прасковьи», которая по дороге «то ли на свадьбу, то ли на какой-то праздник», переходя по мосту через речку, заметила «диковинную рыбу-цыбу» и прыгнула за ней прямо в праздничном наряде [ПМА 1: Кабаева]. Отметим, что в настоящее время от упомянутой речушки не осталось следа, как и от чудесной рыбы-цыбы, за которой, не раздумывая, отправилась в воду смелая девушка. Информант констатирует, что с тех самых пор род Прасковьи именуется *Цыбань*, хотя ни одного потомственного рыбака в нём нет и не было.

Охота как древнее занятие у шокши упоминается в семейной легенде Полченковых, прозванных в память о чудесном зверьке – ласке, добытом во время охоты старшим представителем рода, в котором всегда были охотники («*сон охотник иль, а сынст сейчаскак сембе тёратне охотникт*») [ПМА 1: Каторова] ‘он был охотником, да и сейчас все мужчины их рода охотники’. Ласка оказалась «большой и красивой», чем впечатлила окружающих, запечатлевших в прозвище *Ласкань* этот необычный случай.

Поводом для появления уличных фамилий в Шокше нередко становились комичные ситуации. Например, уличное прозвище *Каранень* отразило примечательную особенность поведения «бабушки Кати», которая «уж очень сильно любила хвалить да нахвалять свою картошку». По рассказу информанта, «*картошки у них всегда было много, да хорошей такой, большой. И любили они её готовить так, чтобы картошка в чугуне разваливалась (‘каранясь’), чтобы есть её было удобней, чтобы была она вкусней*» [ПМА 1: Кабаева].

Семейное прозвище *Тоты-Ботынь* закрепилось за его обладателями после случая с одним из представителей рода, который был известен тем, что «*пек вечксь туриме*» (‘очень любил драться’) и всегда лез на рожон. «*Тёрась тетись шаитсь вакузуст ды кармасть басняма: “Я, ке ат пеле? Адыда турдыма!”*. А тона тёратне ильхть седь сэрихть ды покшит эздындэ, да и седь превихть. Вехкись эздыст шаитсь тете шавиньгить вакс ды штёлкадизэ конеть нанга. А тетись как карме рангума: “Тота, ботымизь! Ботымизь монь!” Стя и тусь Тоты-Ботынь» [ПМА 2: Кабаева] ‘Парень этот подошёл к стоящим и давай говорить: «Ну, кто

смелый? Пойдёмте смахнёмся!». А те мужики были выше, сильнее, да и умней его. Один из них подошёл к этому слабоумному и щёлкнул его по лбу. А тот давай кричать: «Тота, избили! Избили меня!». Вот и пошло Тоты-Ботынь».

Обсуждение и заключение

Итак, как показало исследование, прозвища мордвы-шокши, оставаясь уникальным явлением народной духовной культуры и ярким примером народной этимологии, продолжают своё активное бытование в наши дни. Уличные фамилии, функционирующие в с. Шокша Теньгушевского района РМ, появились в результате различных мотивационных признаков и выстроились по схеме «личное имя в родительном падеже с суффиксом посессивности». Среди выявленных 7 структурно-семантических моделей доминирующими являются семейно-родовые прозвища, образованные от имён и фамилий (23 наименования), и уличные фамилии, отражающие внешнюю или внутреннюю характеристику человека, его поведение, черты характера (14). В анализируемом корпусе встречаются номинации, основой которых стали лексемы, обозначающие род деятельности человека, его интересы и увлечения, социальные и родственные отношения (8 наименований). Зооморфная модель в рассматриваемом антропонимическом пространстве не является продуктивной; она представлена 5 названиями. Незначительную часть от общего количества наименований составляют отэтнонимические уличные фамилии (4) и фамилии, основа которых содержит лексемы, обозначающие предметы быта, реалии окружающего мира (3). Среди семейно-родовых прозвищ шокши

зафиксировано одно имя, образованное на базе названия сельскохозяйственного растения (*шуж* 'ячмень'). В структурно-словообразовательном отношении уличные фамилии жителей с. Шокша характеризуются простыми однокомпонентными именованиями – составные двухкомпонентные модели чаще всего используются для обозначения индивидуальных прозвищ.

Следует отметить, что в целом среди уличных фамилий шокши преобладают единицы, не имеющие ярко выраженной негативной оценки жителей (ругательство, осмеяние, презрение); они в первую очередь стремятся выделить индивидуальность носителя прозвища, подчеркнуть его особенные характеристики. Бытование прозвищ в данном населённом пункте, несомненно, имеет позитивный характер, что связано с особенностями номинации и межличностными отношениями коммуникантов. Данный факт можно назвать локальным своеобразием прозвищ, в которых нашли отражение особенности шокшанского диалекта эрзянского языка.

Устные рассказы о прозвищах, бытующие в репертуаре мордвы-шокши, не только объясняют происхождение уличных фамилий, но и репрезентуют социальную и культурную репутацию их носителей, сформировавшуюся в представлениях местных жителей, а также дифференцируют отдельный род по отличительным свойствам и признакам. Шокшанские антропонимические предания, легенды и анекдотические истории имеют непреходящее значение, являясь ценным источником знаний об особенностях языка, бытовом укладе, духовно-нравственных ценностях народа.

Список источников и литературы

1. Баротзода Ф. К. Образование и функционирование прозвищ и кличек в разноструктурных языках: дис. ... д-ра филол. наук. Душанбе, 2021. 421 с.
2. Басангова Т. Г. Прозвищный фольклор калмыков // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюркомонгольских народов. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2007. 177 с.
3. Берестова Е. А. Система прозвищ диалектной языковой личности // Вопросы ономастики. 2015. № 2. С. 141–155.
4. Бессонова О. Л., Чечина И. В. Особенности трактовки английской антропонимической лексики в ономастической лексикографии // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2022. № 4. С. 88–104.
5. Боброва М. В. Прозвища как лингводидактический материал // Русистика. 2022. № 1. С. 22–24.
6. Волкова С. Н. Прозвища в современной речевой коммуникации // Ономастика Поволжья: материалы XVII Междунар. науч. конф. Великий Новгород: Печатный двор, 2019. С. 281–286.
7. Воронцова О. П., Галкин И. С. Топонимика Республики Марий Эл: историко-этимологический анализ. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского полиграфкомбината, 2002. 424 с.
8. Головина Р. В. Антропонимы в русской народной лирической песне: дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2001. 249 с.
9. Денисова Т. Т. Прозвища как вид антропонимов и их функционирование в современной речевой коммуникации (на материале прозвищ Шумячского и Ершичского районов Смоленской области): дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2007. 195 с.

10. Дранникова Н. В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре: функциональность, жанровая система, этнопоэтика: дис. ... д-ра филол. наук. Архангельск, 2005. 379 с.
11. Запесоцкий А. С., Лукьянов В. Г. Дмитрий Лихачев: о сущности культурной традиции // Вопросы культурологии. 2007. № 7. С. 4–12.
12. Инжеватов И. К. Топонимический словарь Мордовской АССР. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1987. 264 с.
13. Казаева Н. В. Топонимия Дубенского района Республики Мордовия (на материале нескольких эрзянских сел) // *Mordvin languages in the field (Uralica Helsingiensia 10)*. Ksenia Shagal, Heini Arjava (eds.). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2016. Pp. 17–41.
14. Каргашева И. Ю. Прозвища как явление русского устного народного творчества: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 1985. 191 с.
15. Кашкин Е. В., Кузнецова А. И., Шматова М. С. Причины и характер изменений в языке жителей с. Шокша за прошедшее столетие // Конференция по уральским языкам, посвященная 100-летию К. Е. Майтинской (Москва, 12–16 ноября 2007 г). Тезисы. М.: Институт языкознания РАН, 2007. С. 96–100.
16. Кушкова А. Деревенские прозвища: к вопросу о характере, бытовании и социальных функциях (по полевым материалам Белозёрского р-на Вологодской области) // Антропологический форум. 2009. № 11. С. 1–32.
17. Морозова М. Ю. Система ценностей этноса за счёт оценочных коннотаций (на материале тамбовских прозвищ) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. С. 165–169.
18. Натуральнова Г. А. Фонетические особенности русских заимствований в шокшанском диалекте эрзянского языка (на материале шокшанских говоров Теньгушевского района) // Финно-угорский мир. 2015. № 2. С. 38–45.
19. Натуральнова Г. А. Уличные фамилии мордвы-шокши (лексико-семантический анализ) // Гуманитарные науки и образование. 2016. № 2 (26). С. 118–122.
20. Недоступова Л. В., Козлова Л. В. Молодёжный неформальный антропонимикон в пространстве живого общения XXI века (на материале прозвищных именовании в студенческой среде) // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2024. Вып. 2 (62). С. 76–89.
21. Откупщиков Ю. В. Древняя гидронимия в бассейне Оки // Балто-славянские исследования, XVI: сб. науч. тр. М.: Индрик, 2004. С. 83–114.
22. Родина Н. А. Индивидуальное прозвище в России: современное понимание // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2021. Т. 21. Вып. 1. С. 32–36.
23. Семейные и уличные прозвища мокшан западного диалекта / О. Е. Поляков, Г. С. Иванова, Н. В. Леткина, А. В. Дивеев // Финно-угроведение. 2020. № 1 (61). С. 28–36.
24. Серебrenников Б. А. Волго-Окская топонимика на территории Европейской части СССР // Вопросы языкознания. 1955. № 6. С. 19–31.
25. Терентьева О. П. Гидронимы Ветлужско-Вятского междуречья (потамонимы): дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 1994. 242 с.
26. Тихомирова И. В. Функционирование ономастической лексики в фольклорных текстах (на материале сборника «Сказки и предания Северного края в записях И. В. Карнауховой») // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 6 (2). С. 237–240.
27. Тростина М. А. Русские прозвища на территории Мордовии: жанровая природа, классификация, функции // Дергачевские чтения – 2006: русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы междунар. науч. конф.: в 2 т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Союз писателей, 2007. Т. 1. С. 44–47.
28. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1939. Т. 3. 712 с.
29. Цыганкин Д. В. Взгляд лингвиста на лексико-фонетические особенности шокшанского диалекта эрзя-мордовского языка // Мордовские языки глазами учёного-лингвиста. Саранск: Красный Октябрь, 2000. С. 36–40.
30. Цыганкин Д. В. Память, запечатлённая в слове: Словарь географических названий Республики Мордовия. Саранск: Красный Октябрь, 2005. 432 с.
31. Цыганкин Д. В. Семантика индивидуальных и семейных (родовых) прозвищ жителей эрзянских и мокшанских населённых пунктов // Мордовские языки глазами лингвиста-финно-угроведа. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2014. С. 143–197.
32. Шаронов С. М. Шокша (историко-этнографический очерк). Саранск: Красный. Октябрь, 2005. 208 с.
33. Лукашанец А. Лакальная сiстэма ўласных асабовых імён // *Studia Sławistyczne 1: Nazewnictwo na pograniczach etniczno-językowych*. Białystok: Uniwersitet w Białymstoku, 1999. Pp. 186–198.
34. Шур В. Беларускія ўласныя імёны: Беларуская антрапаніміка і тапаніміка: дапаможнік для настаўнікаў. Мінск: Маст. літ., 1998. 239 с.
35. Fábíán Zs. A ragadványnevek legújabb kori hivatalos használatáról // *Survivance du latin et grammaire textuelle Mélanges offerts à Sándor Kiss à l'occasion de son 70e anniversaire*. Edited by Bánki Ágnés-Tillinger Gábor. Studia Romanica, Hors Série. Debrecen: Debreceni Egyetemi Kiadó, 2011. Pp. 113–126.
36. Fehér K. A ragadványnevek funkcionális szerkezetéről // *Magyar Nyelvjárások*. 2003. № 41: Pp. 155–166.
37. Postles D. Negotiating Bynames // *Nomina*. 2004. № 27. Pp. 41–70.

Полевые материалы авторов

ПМА 1 – Полевые материалы авторов. Экспедиция в с. Шокша Теньгушевского р-на Республики Мордовия, июль 2021 г. (информанты: В. Н. Кабаев, 1971 г. р.; Л. И. Кабаева, 1973 г. р.; Е. Н. Каторова, 1924 г. р.; Е. Я. Черашева, 1939 г. р.).

ПМА 2 – Полевые материалы авторов. Экспедиция в с. Шокша Теньгушевского р-на Республики Мордовия, июль 2022 г. (информанты: Е. В. Кабаева, 2004 г. р.; М. Х. Казабекова, 1939 г. р.; Г. И. Натуральнова, 1971 г. р.).

References

1. Barotzoda F. K. *Obrazovanie i funkcionirovanie prozvisch i klichtk v raznostrukturnykh yazykakh* [Formation and functioning of nicknames and sobriquets in different structured languages]. Dushanbe, 2021. 421 p. (In Russian)
2. Basangova T. G. *Prozvischnyy fol'klor kalmykov* [The nickname folklore of the Kalmyk people]. *Problemy etnogeneza i etnicheskoy kul'tury tyurko-mongol'skikh narodov* [Problems of ethnogenesis and ethnic culture of the Turkic-Mongolian peoples]. Elista: KalmGU Publ., 2007. 177 p. (In Russian)
3. Berestova E. A. *Sistema prozvisch dialektnoy yazykovoy lichnosti* [The system of nicknames of a dialectal language personality]. *Voprosy onomastiki* [Onomastics Issues], 2015, no. 2, pp. 141–155. (In Russian)
4. Bessonova O. L., Chechina I. V. *Osobennosti traktovki angliyskoy antroponimicheskoy leksiki v onomasticheskoy leksikografii* [Treatment of English anthroponyms in onomastic lexicography]. *Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [The world of linguistics and communication: an electronic scientific journal], 2022, no. 4, pp. 88–104. (In Russian)
5. Bobrova M. V. *Prozvischa kak lingvodidakticheskiy material* [Nicknames as a linguodidactic material]. *Rusistika* [Russian Studies], 2022, no. 1, pp. 22–24. (In Russian)
6. Volkova S. N. *Prozvischa v sovremennoy rechevoy kommunikatsii* [Nicknames in modern verbal communication]. *Onomastika Povolzh'ya: materialy XVII Mezhdunar. nauch. konf.* [Onomastics of the Volga region: materials of the XVII International scientific conference]. Veliky Novgorod: Pechatnyy dvor Publ., 2019. Pp. 281–286. (In Russian)
7. Vorontsova O. P., Galkin I. S. *Toponimika Respubliki Mariy El: istoriko-etimologicheskii analiz* [Toponymy of the Republic of Mari El: historical and etymological analysis.]. Yoshkar-Ola: Mariyskiy poligrafkombinat Publ., 2002. 424 p. (In Russian)
8. Golovina R. V. *Antroponimy v russkoy narodnoy liricheskoy pesne* [Anthroponyms in a Russian folk lyrical song]. Kursk, 2001. 249 p. (In Russian)
9. Denisova T. T. *Prozvischa kak vid antroponimov i ikh funkcionirovanie v sovremennoy rechevoy kommunikatsii (na materiale prozvisch Shumyachskogo i Ershichskogo rayonov Smolenskoy oblasti)* [Nicknames as a type of anthroponyms and their functioning in modern verbal communication (based on the nicknames of the Shumyachsky and Yershichsky Districts of the Smolensk Oblast)]. Smolensk, 2007. 195 p. (In Russian)
10. Drannikova N. V. *Lokal'no-grupповые prozvischa v traditsionnoy kul'ture: funktsional'nost', zhanrovaya sistema, etnopoetika* [Local-group nicknames in traditional culture: functionality, genre system, ethnopoetics]. Arkhangelsk, 2005. 379 p. (In Russian)
11. Zapesotskiy A. S., Lukyanov V. G. *Dmitriy Likhachev: o sushchnosti kul'turnoy traditsii* [Dmitriy Likhachev: about the essence of cultural tradition]. *Voprosy kul'turologii* [Issues of Cultural Studies], 2007, no. 7, pp. 4–12. (In Russian)
12. Inzhevator I. K. *Toponimicheskii slovar' Mordovskoy ASSR* [Toponymic dictionary of the Mordovian ASSR]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1987. 264 p. (In Russian)
13. Kazaeva N. V. *Toponimiya Dubenskogo rayona Respubliki Mordoviya (na materiale neskol'kikh erzyanskikh sel)* [Toponymy of Dubensky District of the Republic of Mordovia (based on the material of several Erzya villages)]. *Mordvin languages in the field (Uralica Helsingiensia 10)* [Mordvin languages in the field (Uralica Helsingiensia 10)]. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2016. Pp. 17–41. (In Russian)
14. Kartasheva I. Yu. *Prozvischa kak yavlenie russkogo ustnogo narodnogo tvorchestva* [Nicknames as a phenomenon of Russian oral folk creative work]. Chelyabinsk, 1985. 191 p. (In Russian)
15. Kashkin E. V., Kuznetsova A. I., Shmatova M. S. *Prichiny i kharakter izmeneniy v yazyke zhiteley s. Shoksha za proshedshee stoletie* [The causes and nature of changes in the language of the inhabitants of the Shoksha village over the past century]. *Konferentsiya po ural'skim yazykam, posvyashchennaya 100-letiyu K. E. Maytinskoy (Moskva, 12–16 noyabrya 2007g.). Tezisy* [Conference on Uralic languages dedicated to the 100th anniversary of K. E. Maytinskaya (Moscow, November 12–16, 2007). Theses]. Moscow: Institut yazykoznaneya RAN Publ., 2007. Pp. 96–100. (In Russian)
16. Kushkova A. *Derevenskie prozvischa: k voprosu o kharaktere, bytovanii i sotsial'nykh funktsiyakh (po polevym materialam Belozerskogo r-na Vologodskoy oblasti)* [Village nicknames: to the question of character, existence and social functions (based on field materials of the Belozersky District of the Vologda region)]. *Antropologicheskii forum* [Anthropological Forum], 2009, no. 11, pp. 1–32. (In Russian)
17. Morozova M. Yu. *Sistema tsennostey etnosa za schet otsenochnykh konnotatsiy (na materiale tambovskikh prozvisch)* [The value system of an ethnic group due to evaluative connotations (based on the material of Tambov nicknames)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities], 2014, pp. 165–169. (In Russian)

18. Naturalnova G. A. *Foneticheskie osobennosti russkikh zaimstvovaniy v shokshanskom dialekte erzyanskogo yazyka (na materiale shokshanskikh govorov Ten'gushevskogo rayona)* [Phonetic features of Russian loanwords in the Shoksha dialect of the Erzya language (based on the material of Moksha dialects of the Tengushevsky District)]. *Finno-ugorskiy mir* [Finno-Ugric World], 2015, no. 2, pp. 38–45. (In Russian)
19. Naturalnova G. A. *Ulichnye familii mordvy-shokshi (leksiko-semanticheskiy analiz)* [Street surnames of the Mordvins-Shoksha (lexical and semantic analysis)]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* [Humanities and Education], 2016, no. 2 (26), pp. 118–122. (In Russian)
20. Nedostupova L. V., Kozlova L. V. *Molodezhnyy neformal'nyy antroponimikon v prostranstve zhivogo obshcheniya XXI veka (na materiale prozvishchnykh imenovaniy v studencheskoy srede)* [Youth informal anthroponymicon in the space of live communication of the XXI century (based on the material of nickname names among students)]. *Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya* [Modern linguistic and methodological-didactic research], 2024, no. 2 (62), pp. 76–89. (In Russian)
21. Otkupshchikov Yu. V. *Drevnyaya gidronimiya v bassejne Oki* [Ancient hydronymy in the Oka river basin]. *Balto-slavyanskije issledovaniya, XVI: sbornik nauchnykh trudov* [Baltic-Slavic studies, XVI: collection of scientific papers]. Moscow: Indrik Publ., 2004. Pp. 83–114. (In Russian)
22. Rodina N. A. *Individual'noe prozvishche v Rossii: sovremennoe ponimanie* [Personal nickname in Russia: modern understanding]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika* [News of the Saratov University. A new series. Philology Series. Journalism], 2021, no. 21 (1), pp. 32–36. (In Russian)
23. Polyakov O. E., Ivanova G. S., Letkina N. V., Diveev A. V. *Semeynye i ulichnye prozvishcha mokshan zapadnogo dialekta* [Family and street nicknames of the Moksha eastern dialect]. *Finno-ugrovedenie* [Finno-Ugric Studies], 2020, no. 1 (61), pp. 28–36. (In Russian)
24. Serebrennikov B. A. *Volgo-Okskaya toponimika na territorii Evropeyskoy chasti SSSR* [Volga-Oka rivers toponymy on the territory of the European part of the USSR]. *Voprosy yazykoznanija* [Issues of Linguistics], 1955, no. 6, pp. 19–31. (In Russian)
25. Terentyeva O. P. *Gidronimy Vetluzhsko-Vyatskogo mezhdurech'ya (potamonimy)* [Hydronyms of the Vetluga-Vyatka interfluve (potamonyms)]. Yoshkar-Ola, 1994. 242 p. (In Russian)
26. Tikhomirova I. V. *Funkcionirovanie onomasticheskoy leksiki v fol'klornykh tekstakh (na materiale sbornika "Skazki i predaniya Severnogo kraja v zapisyakh I. V. Karnaukhovoy")* [The functioning of onomastic vocabulary in folklore texts (based on the material of the collection "Tales and Legends of the Northern Territory in the records of I. V. Karnaukhova")]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky], 2013, no. 6 (2), pp. 237–240. (In Russian)
27. Trostina M. A. *Russkie prozvishcha na territorii Mordovii: zhanrovaya priroda, klassifikatsiya, funktsii* [Russian nicknames on the territory of Mordovia: genre nature, classification, functions]. *Dergachevskie chteniya – 2006: russkaya literatura: natsional'noe razvitiye i regional'nye osobennosti: materialy mezhdunar. nauch. konf.: v 2 t.* [Dergachev's Readings – 2006: Russian literature: national development and regional features: materials of the International scientific conference: in 2 vol.]. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta Publ.; Soyuz pisateley Publ., 2007. Vol. 1. Pp. 44–47. (In Russian)
28. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Ed. D. N. Ushakov. Moscow: Gos. izd-vo inostr. i nats. slov. Publ., 1939. Vol. 3. 712 p. (In Russian)
29. Tsygankin D. V. *Vzglyad lingvista na leksiko-foneticheskie osobennosti shokshanskogo dialekta erzya-mordovskogo yazyka* [The linguist's view on the lexical and phonetic features of the Shoksha dialect of the Erzya-Mordovian language]. *Mordovskie yazyki glazami uchenogo-lingvista* [Mordovian languages through the eyes of a linguist]. Saransk: Krasnyy Oktyabr' Publ., 2000. Pp. 36–40. (In Russian)
30. Tsygankin D. V. *Pamyat', zapechatlennaya v slove: Slovar' geograficheskikh nazvaniy Respubliki Mordoviya* [Memory imprinted in the word: Dictionary of geographical names of the Republic of Mordovia]. Saransk: Krasn. Oktyabr' Publ., 2005. 432 p. (In Russian)
31. Tsygankin D. V. *Semantika individual'nykh i semeynykh (rodovykh) prozvishch zhiteley erzyanskikh i mokshanskikh naseleennykh punktov* [Semantics of individual and family (generic) nicknames of inhabitants of Erzya and Moksha settlements]. *Mordovskie yazyki glazami lingvista-finno-ugroveda* [Mordovian languages through the eyes of a Finno-Ugric linguist]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 2014. Pp. 143–197. (In Russian)
32. Sharonov S. M. *Shoksha (istoriko-etnograficheskiy ocherk)* [Shoksha people (historical and ethnographic essay)]. Saransk: Krasnyy Oktyabr' Publ., 2005. 208 p. (In Russian)
33. Lukashanets A. *Lakal'naya sistema ylasnykh asabovykh imen. Studia Slawistyczne 1: Nazewnictwo na pograniczach etniczno-językowych*. Białystok: Uniwersitet w Białymstoku, 1999. Pp. 186–198. (In Belarusian)
34. Shur V. *Belaruskaya ylasnyya imeny: Belaruskaya antrapanimika i tapanimika: dapamozhnik dlya nastaynikaŭ*. Minsk: Mast. lit., 1998. 239 p. (In Belarusian)
35. Fábián Zs. *A ragadványnevek legújabb kori hivatalos használatáról. Survivance du latin et grammaire textuelle Mélanges offerts à Sándor Kiss à l'occasion de son 70e anniversaire*. Ed. by Bánki Ágnés-Tillinger Gábor. Studia Romanica, Hors Série. Debrecen: Debreceni Egyetemi Kiadó, 2011. Pp. 113–126. (In Hungarian)
36. Fehér K. *A ragadványnevek funkcionális szerkezetéről. Magyar Nyelvjárások*, 2003, no. 41, pp. 155–166. (In Hungarian)
37. Postles D. *Negotiating Bynames. Nomina*, 2004, no. 27, pp. 41–70. (In English)

Field materials of the authors

Field materials of the author 1 – *Ekspeditsiya v s. Shoksha Ten'gushevskogo r-na Respubliki Mordoviya, iyul' 2021 g. (Informanty: V. N. Kabaev, 1971 g. r.; L. I. Kabaeva, 1973 g. r.; E. N. Katorova, 1924 g. r.; E. Ya. Cherasheva, 1939 g. r.)* [Expedition to the village of the Shoksha Tengushevsky District of the Republic of Mordovia, July 2021 (Informants: V. N. Kabaev, 1971 year of birth; L. I. Kabaeva, 1973 year of birth; E. N. Katorova, 1924 year of birth; E. Ya. Cherasheva, 1939 year of birth)].

Field materials of the authors 2 – *Ekspeditsiya v s. Shoksha Ten'gushevskogo r-na Respubliki Mordoviya, iyul' 2022 g. (Informanty: E. V. Kabaeva, 2004 g. r., M. H. Kazabekova, 1939 g. r., G. I. Natural'nova, 1971 g. r.)* [Expedition to the village of the Shoksha Tengushevsky District of the Republic of Mordovia, July 2022 (informants: E. V. Kabaeva, 2004 year of birth; M. Kh. Kazabekova, 1939 year of birth; G. I. Naturalnova, 1971 year of birth)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Казаева Нина Валентиновна, доцент кафедры финно-угорской филологии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), кандидат филологических наук.

nikazaeva@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-9206-7223

Тростина Марина Александровна, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), кандидат филологических наук.

trostina@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-6905-5438

ABOUT THE AUTHORS

Kazaeva Nina Valentinovna, Associate Professor of the Department of Finno-Ugric Philology, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya Str., 68), Candidate of Philological Sciences.

nikazaeva@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-9206-7223

Trostina Marina Alexandrovna, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya Str., 68), Candidate of Philological Sciences.

trostina@mail.ru

ORCID ID: 0009-0004-5747-7739